

благополучно перешли вброд. Всю эту ночь наши отегунали по той же дороге, по которой пришли. Явившись в Ламонию, они пошли там Гергарда из Пути и Магаду, сына султана, которые занимали с 50 всадниками и сотней туркополов противоположный берег, чтобы встретить неприятеля, если он захочет переправиться через реку. Встреча с ними была особенно приятна государю королю, ибо он опасался, что неприятель найдя их разделенными, может напасть на них на том или другом берегу. Он заботился также и о пехоте, которая оседалась позади, и боялся, чтобы неприятель не попал на нее врасплох. Таким образом, он прождал прибытия армии у вышеупомянутого города три дня, а ею пачальствовал мудрый и благородный Иосцелин Самосатский. Наконец, в четвертый день наши малопомалу собрались, и пехота соединилась с остальными; тогда, продолжая свой путь, они прибыли в Каир (Cahere), где и разбили свой лагерь у моста, перед Вавилоном. Сделав там смотр, они увидели, что им недостает ста человек; у неприятеля же, говорят, пало до 1500 человек.

XXV. Между тем и Сиракон, собрав также своих, прошел тайно от наших через степи в Александрию, которую ему сдали жители. Едва дошли о том первые слухи до короля, он созвал своих князей, равню султана, его сыновей и благородных египтян для успешного совещания, как должно действовать. После долгих споров, как то водится в подобных случаях, наконец, определили, так как Александрия снабжается съестными припасами только на кораблях из верхних стран Египта и сама не производит хлеба, то поставить на реке сторожевой флот, чтобы не было в Александрию никакого подвоза. Вслед за тем король потянулся со всей армией в ту сторону и раскинул лагерь между Торговой и Деменегутом, местечком, отстоявшим от Александрии на 8 миль. Оттуда он разослал лазутчиков по окрестным и даже по отдаленным странам высматривать и разведывать в пустыне, чтобы никто не проник в город для помощи осажденным или не вышел из города для призвания войск. В то же время флот преграждал всякому дороге

или, по крайней мере, не пропускал никого без тщательного осмотра. По прошествии месяца, как город не получал подвоза съестных припасов, народ стал жаловаться на недостаток пищи. Сиракон, видя это и опасаясь погубить голодом своих вместе с прочими, оставил в городе Саладина, дав ему около 1000 всадников, а сам ночными переходами прошел по пустыне, мимо лагеря наших, и появился в верхних частях Египта, откуда незадолго перед тем пришел. Когда король узнал о том, он деятельно начал преследовать его и, таким образом, дошел до Вавилона. Уже все войско было готово пуститься в дальнейший путь, как к королю явился неожиданно благородный и могущественный египтянин Бепекарселле и объявил ему, что Александрия находится в крайности и что у него в городе есть влиятельные родственники, управляющие гражданами; парод же, мучимый голодом, легко согласится на все, и потому город можно без всякого труда сдать вместе с баньями во власть короля. Король, узнав о том, спросил князей, что они думают о всем этом, и, наконец, все вместе с султаном согласились возвратиться к Александрии и с обоими войсками осадить город.

Следующая глава, XXVI, посвящена историческому описанию Александрии и рассуждению о ее торговом значении, а в главе XXVII описаны подробности самой осады, сопровождавшейся обыкновенными в то время приемами военного искусства, и описание которых мы часто встречали у нашего автора выше; жители, считая турецкий отряд Саладина, запершийся в городе, виновником своих бедствий, решились сдать; почему Саладин, опасаясь измены, просил своего дядю поступить с помощью. В главе XXVIII говорится о мерах, которые принял Сиракон для спасения своего племянника: он отправил к королю своего племянника Гуго Цезарейского с предложением мира на условиях разменяться пленными, снять осаду в Александрии и дать ему свободный проход назад в Азию.

XXIX. Когда государь Гуго выслушал все это (мирные предложения Сиракона), он, как человек умный и осторожный, обдумал дело со всех сторон, чтобы насколько не сомневаться относительно пользы такого договора для наших; но при всем том,